

УДК 801(091)+801(092).801

ВАРИАТИВНОСТЬ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ ГЛАГОЛА В ЯЗЫКЕ ТАТАРСКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ XIX ВЕКА

А.Ф. Юсупов

Аннотация

Статья рассматривает вариативное употребление грамматических форм глагола. В языке татарских поэтических произведений XIX в. наблюдается сочетание грамматических элементов кипчакских и огузских языков. Вместе с тем, в некоторых наклонениях глагола встречаются и арабские грамматические формы. Подобная смешанность была традицией поэтического варианта письменно-литературного языка. В статье рассматриваются такие формы на материале произведений Ш. Заки, яркого представителя татарской поэзии XIX в.

Ключевые слова: вариативность, татарский язык, история языка, глагол, безличные формы глагола, грамматические формы.

Язык татарских поэтических произведений XIX в. основан на письменных традициях литературного языка, который подвергся сильному влиянию старокнижных литературных традиций и является их продолжением. В нем прослеживается параллельное употребление кипчакских и огузских элементов, взаимодействие которых становится основой для возникновения структурно-функциональной вариативности нормы. Схожую тенденцию наблюдает И.Б. Баширова и в дальнейшем развитии татарского языка – в татарском литературном языке конца XIX – начала XX вв., где своеобразно соприкасаются многовековые письменно-традиционные нормы классического старотатарского языка и общеупотребительные разговорные формы [1, с. 62].

В поэтических произведениях XIX в. татарский глагол характеризуется теми же категориями, которые присущи другим тюркским языкам, категориями наклонения, времени, лица, числа и отрицания. Парадигматическое и синтагматическое значения **категории лица** выражаются в произведениях с помощью общих для татарского литературного языка показателей, а также грамматическими средствами, присущими для огузских и кипчакских языков (см. табл. 1).

Категория отрицания выражает отсутствие или наличие действия, процесса в семантике формы глагола. Значение отрицания передается формами, образованными при помощи аффикса *-ma/-mä* и его вариантов *-muj/-mi*; *-mas/-mä*s. Например: *yaläm eçrä ähle xäjrä kürmädem monça xosud* [2, б. 110] «не видел в мире я столько хороших людей», *zail ulmaz küñlemeñ bimaräse* [2, б. 87] «моя душа болеть не перестанет».

Табл. 1

Показатели категории лица

Лицо	Аффиксы группы I		Аффиксы группы II	
	Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
2-е	<i>-m, -mān/-myn/-men</i>	<i>-myz/-mez</i>	<i>-m, -ym/-em</i>	<i>-q/-k</i>
2-е	<i>-sān</i>	<i>-syz/-sez</i>	<i>-η, -yη/-eη</i>	<i>-ηyz/-ηez</i>
3-е	–	<i>-lar/-lār, -syn/-sen</i>	–	<i>-dyr/-der, -lar/-lār</i>

В языке поэтических произведений зафиксированы следующие разновидности **категории наклонения**: изъявительное, условное, желательное и повелительное.

Форма настоящего времени глагола **изъявительного наклонения** в большинстве случаев представлена формами на *-a/-ā; -j*, к которым присоединяются личные аффиксы: *kičām ber dām bu julnyη čūlene wā taūny* [2, б. 93] «в одно мгновение пройду пустыню и степи по этой дороге».

Прошедшее время индикатива в языке поэтических произведений исследуемого периода представлено целым рядом форм, которые в структурном плане разделяются на синтетические и аналитические. К синтетическим относятся формы на *-dy, -yan, -myš*, к аналитическим – конструкции, образованные сочетанием причастия на *-myš* с вспомогательными глаголами *ide* и *dorur*.

Прошедшее категорическое время на *-dy, -de* спрягается посредством аффиксов группы II, то есть присоединением аффиксов в усеченном варианте: *kändü dāstem berlā räqam itdem yāzāl* [2, с. 124] «своей рукой я написал газель». Прошедшее результативное время на *-an/-ān* употребляется лишь для обозначения 3-го лица единственного числа: *bu tabiyāt yālāme ečrā cāsāde pärwar ulan* [2, б. 119] «в этом мире природы возникло крепкое тело». Прошедшее результативное на *-myš/-meš* является огузским вариантом данного времени. 1-е лицо единственного числа может оформляться при помощи аффикса *-ym/-em* (усеченный вариант) и личного аффикса группы I *-myn/-men*: *qasd idārem canuma, čön susamyšmyn qanuma* [3, б. 414] «оскверню свою душу, ибо жажду своей крови», *šul jaηa kitdem ki, andin kilmešem, zirā qandin kildekemne belmešem* [2, б. 107] «пошел я в ту сторону, (значит) оттуда иду, потому что знаю, откуда иду».

В языке поэтических произведений XIX века 3-е лицо может употребляться без личных аффиксов или оформляться при помощи специального аффикса *-dyr*, этимологически восходящего к вспомогательному глаголу *torur* «стоять», «быть», «находиться»: *sāηa haq wirmeš cāhanda abruj* [2, б. 124] «бог наградил тебя авторитетом в мире», *fikrineη dārjasiya möstāyraq ulmyšdyr küηel* [3, б. 414] «в пучине разума душа погибла».

Прошедшее время на *-myš dorur/-meš dorur* является аналитической формой прошедшего результативного времени: *ošbu nury šul keše tapmyš dorur, haqdan üzgādān küzen jarmyš dorur* [2, б. 82] «вот этот луч коснется того человека, который не будет признавать никого, кроме бога».

Будущее время на *-yr* спрягается, принимая личные аффиксы группы I: *nitā künel wirerem bu dönjaηa* [2, б. 122] «всей душой люблю я этот мир». Кроме того, в 1-м лице единственного числа может употребляться полный аффикс

-tun/-men: *coru, coru qan ečärmen bän hämin* [2, б. 127] «пью я кровь всегда глотками». Схожую ситуацию наблюдает Ш. Шукуров: полный и усеченный варианты аффиксов 1-го лица будущего времени параллельно употреблялись и в языке тюркских письменных памятников [4, с. 67–70].

Повелительное наклонение представлено II и III лицами единственного и множественного числа. В большинстве случаев основой повелительного наклонения является 2-е лицо единственного числа, и она не имеет специальных морфологических показателей: *anlaγuñ afätedin saqla bane* [2, б. 134] «оберегай меня от их несчастий». 2-е лицо единственного числа также образуется при помощи специального аффикса *-γy//gel*: *iqurquly jirlärdä, šahum, dästgir ulγyul bāna* [2, б. 91] «в опасных местах руководи, мой шах, ты мною». Показатель повелительного наклонения *-γyn/-gin* характерен и для древнеуйгурского языка. Как известно, в тюркских языках форма 2-го лица единственного числа повелительного наклонения обычно не имеет особого показателя. Однако в древнеуйгурском языке [5, с. 68], а из современных тюркских языков в узбекском [6, с. 206] 2-е лицо единственного числа повелительного наклонения может быть образовано с помощью особых аффиксов *-γy//gil, -γyn/-gin*.

В языке исследуемых нами поэтических произведений для выражения 2-го лица множественного числа повелительного наклонения употребляется три показателя. В большинстве случаев форма повелительного наклонения данного лица и числа имеет показатель *-(y)ñ/-(e)ñ* и *-(y)ñyz/-e(ñez)*: *üget wireñ bāna, i häl belänlär* [2, б. 90] «дайте мне совет, о, вы, пришедшие о здоровье моем узнать», *bäne ülem ilä tähdid itmāñez* [2, б. 127] «не пугайте меня смертью». 2-е лицо множественного числа в языке поэтических произведений Ш. Заки также образуется, как и в современном татарском литературном языке, при помощи аффикса *-(y)γyz/-(e)gez*: *qyjas äjlägez imde: bu kešedä warmy din?* [2, б. 111] «сравните: верующий ли этот человек?».

В языке поэтических произведений XIX в. встречаются многие формы **желательного наклонения**, которые в современном литературном татарском языке уже не употребляются. Для выражения желания и намерения говорящего совершить действие используется огузско-турецкая форма *-alym, -älem, -aläm*: *wiralym jyqlyu bu warlyuymny, bāna bu warlyuym äzyas xolymdyt* [2, б. 96] «отдаю это своё богатство неимущим, для меня это богатство – мой бредовый сон». В настоящее время форма желательного наклонения на *-alym/-älem* встречается только в турецком языке [7, с. 52].

В проанализированных нами произведениях значение 1-го лица опатива передается также и аналитической конструкцией на *-γym kilür*, образованной от архаичного имени действия на *-γy* с помощью вспомогательного глагола *kel, kil*: *ul säbäbdän bändäi ähle safa bulγym kilür* [2, б. 127] «поэтому хочу стать зависимым человеком». 3-е лицо единственного числа оформляется при помощи аффикса *-γaj/-gäj*. В отличие от литературного языка древнетюркский показатель желательного наклонения *-γaj/-gäj* употребляется с глаголами как отрицательной, так и утвердительной формы: *jörgel bu jirneñ hädden al, naγāhan ul at säneñ astyñda bulγaj, bulmaγaj* [3, б. 416] «лошадь под тобой, путешествуй по свету, однажды эта лошадь под тобой будет, иль не будет».

Условное наклонение представлено общетюркской формой на *-sa/-sä*: oşbu näfsem afätendän gâr xâlas äjläsän bane, üzgä qurqulardan aslan zinharym qalmady [3, б. 415] «коль ты спасешь от суетных страстей, исчезнет страх, не будет просьб других». Грамматическое значение условия может выражаться также формами *-yrsa/-ersä*, *-ursa/-arsa*: qaju jirdä ojursam – ul ilemder, qaju jirdä şäh(ä)rä döşärsäm – ul ilemder [2, б. 95] «где ни лягу спать, это дом мой, в каком городе ни останавливаюсь, это моя родина».

В языке исследуемых поэтических произведений представлены следующие формы **неличных глаголов**: *причастие*, *деепричастие*, *имя действия* и *инфинитив*.

Причастие является одной из наиболее сложных и оригинальных грамматических категорий в системе неличных глаголов. Для поэтических произведений характерны причастия прошедшего времени на *-yan/-gän*, *-an/-än*, *-dyq/-dek*, *-myş/-meş*, а также причастия будущего времени на *-asy/-äse*, *-açaq*, *-yr/-er* (*-maz/-mäz*).

Форма причастия на *-yan/-gän* является активно употребляемой и продуктивной формой. Причастие на *-yan/-gän* считается характерным показателем языков кипчакской группы. Вместе с тем в языке поэтических произведений XIX в. при выражении грамматического значения причастия прошедшего времени активно употребляется и огузский вариант данного аффикса *-an/-än*.

Форма причастия на *-an* в своих грамматических показателях имеет несколько фонетических вариантов: а) к основам, оканчивающимся на согласный звук, присоединяются аффиксы *-an/-än*: üget wıreñ bāña, i xäl belänlär [2, б. 90] «дайте мне совет, о вы, пришедшие о здоровье моем узнать»; б) основы с конечным гласным имеют аффиксы *-jan/-jän*: bu mänzumny dijän uş ber fäqirder, fälän uşly fälän dib mäşhürder [2, б. 122] «сказавший этот стих – один бедняк, известный как сын некоего человека».

Форма причастия на *-dyq/-dek* является древнетюркской формой, она характерна для огузской группы современных тюркских языков. Отличительной чертой формы на *-dyq/-dek* по сравнению с другими причастными формами является то, что она при субстантивации употребляется только с аффиксами принадлежности: wıg, i saquj, sam(e) mäynadan şarabi, zinhar, şul yaribä kem hämişä ükdeke sanan ikän [2, б. 113] «о виночерпий, дай, пожалуйста, от чашки смысла вино тому, кто всё время желает найти возлюбленную для этого инвалида». Как известно, форма *-dyq/-dek* по синтаксическим функциям соответствует кипчакской форме на *-yan/-gän*.

Причастие на *-asy/-äse* определяет предмет через действие, совершаемое в будущем. Действие, выражаемое данной формой, во всех случаях сопровождается модальным оттенком долженствования [8, б. 211]. В исследуемых поэтических произведениях, как и в современном татарском литературном языке, огузская форма на *-asy/-äse* обозначает процесс, соответствующий значению инфинитива на *-yru* литературного языка: izgeläreñ ällären alub tuştu julda warasy [3, с. 418] «идти прямой дорогой, держась за руки святых».

Огузская форма причастия на *-açaq* в языке рассматриваемых поэтических произведений употребляется в довольно ограниченном количестве и встречается лишь в собственно-причастном значении: şul bāqa joridy dözät kem, waraçaq

jireñder ul [2, б. 106] «почини вечный дом, куда должен ты идти». По мнению исследователей, такая форма встречается и в некоторых кипчакских языках [9, с. 77].

Причастие на *-yr/-er* (отрицательная форма – *-maz/-máz*) в исследуемых произведениях встречается редко, только в собственно-причастном значении, и в предложении является определением к словам, выражающим значения субъекта, объекта и места действия: *xäsrät bänem jıjgar ašum, – dišwar uldy bänem xalem* [2, б. 103] «моя пища приносит мне горе, печальным стало мое состояние».

В языке поэтических произведений XIX в. наряду с причастиями тюрко-татарского происхождения употребляются причастия, заимствованные из арабского языка. Большинство арабских причастий действительного залога в изученных произведениях отмечены в собственно причастном значении, то есть выступают в атрибутивной функции. Они употребляются в основном в значении адъектива (*fani* – ветхий, старый, негодный) и служат определением к словам, выражающим значения субъекта или объекта действия: *gär bu ıasyj bändägä haqdan ıujnajät bulmasa* [2, б. 94] «если этому грешному человеку не будет помощи от Бога». Причастия страдательного залога употребляются в атрибутивной функции реже, чем причастия действительного залога.

По морфологической классификации **деепричастные формы** проанализированных произведений можно разделить на следующие группы: а) положительные формы, образованные при помощи аффиксов *-yb/-eb, -ubän/-übän, -jyn/-jen, -ıač*; б) отрицательные формы, образованные при помощи аффиксов *-majyb/-mäjeb, -majyn/-mäjen, -majynčal/-mäjenčä*.

Деепричастие на *-ubän* выступает грамматическим синонимом формы на *-yb/-eb*. При помощи данной формы образуются деепричастия только от положительных основ: *ıgre julların qıjubän tuıru jula warasy* [3, б. 418] «оставив другие пути, надо идти прямой дорогой».

Деепричастия на *-jyn/-jen* и на *-ıač* не активны. Форма на *-jyn/-jen*, выступая в функции зависимого сказуемого, обозначает действие, которое предшествует действию, выраженному основным глаголом, или протекает одновременно с ним: *sadyjq kázbeñ aııajyn kázben belet* [2, б. 116] «правдивый, поняв твой обман, узнает и его обман». По мнению исследователей, деепричастия на *-jyn/-jen* встречается редко, главным образом в языках огузской группы [10, с. 128].

В языке исследуемых поэтических произведений из неличных форм глагола зафиксированы также **имена действия**, образующиеся с помощью аффиксов *-maq/-mäk, -maqlyq/-mäklek, -mal/-mä, -ul/-ü, -ıy/-ge*.

Огузская форма имени действия на *-maq/-mäk* в большинстве случаев субстантивируется и употребляется с аффиксами принадлежности и падежа: *bu tormaqın soıu – kitmäk doryu* [2, б. 82] «конец этой жизни – смерть». Форма на *-ul/-ü* субстантивируется и выступает с аффиксами падежа: *bu fani ewläre wäjran qyubän, ad baquj jögüne tözmäk kiräkder* [2, б. 85] «разрушив эти ветхие дома, нужно построить вечное».

Имя действия на *-ıy/-ge* в языке изучаемых произведений в чистом виде не употребляется. Например, сочетание на *-ıym kilür/-ıym kilür* выражает непроизвольное желание субъекта совершить действие: *šarab xikmäte qanıym kilür* [2, б. 117] «хочу узнать тайну вина».

Наряду с тюркскими именами действия в языке анализируемых стихотворных текстов широко употребляются и их заимствованные «эквиваленты» – арабские имена действия, или масдары.

Как отмечают исследователи, большинство арабских масдаров в татарском языке субстантивируются под воздействием грамматических законов данного языка. Поэтому можно считать, что многие из них потеряли свои грамматические значения и выполняют функцию обыкновенных существительных [11, с. 17]. Кроме того, часть имен действий субстантивирована в самом арабском языке, так как процесс субстантивации является ярко выраженной особенностью данной формы [12, с. 253]. В языке изучаемых поэтических произведений широко употребляются арабские масдары I (*wöcüd* [3, б. 414] «бытие, существование»), II (*tädbir* [2, б. 83] «предусмотрительность»), III (*xitab* [2, б. 82] «обращение; речь»), IV (*iman* [2, б. 81] «вера, убеждение»), VIII (*intizar* [3, б. 415] «ожидание»), X (*istiḡamät* [2, б. 124] «честность») породы.

Значение **инфинитива** реализуется в формах на *-maḡa/-mäḡä*, *-maḡ/-mäk*, *-yrḡa/-ergä*, *-asy/-äse*. Форма на *-maḡa/-mäḡä* является одной из основных форм выражения значения инфинитива в языке поэтических произведений XIX в.: *ul jaḡa warmaḡa tuḡu jul kiräk* [2, б. 107] «чтобы идти туда, нужно найти прямую дорогу». По мнению Ф.М. Хисамовой, такая форма была активна в языке деловой письменности XVIII в. [13, б. 90–91].

Форма на *-maḡ/-mäk* в сочетании с модальным словом *kiräk* «нужно», «необходимо», «надо», «должен» выражает значение инфинитива: *täḡre dustydyr ular, belmäk kiräk* [2, б. 125] «нужно знать, что они являются друзьями Всевышнего». Основным значением инфинитива на *-yrḡa/-ergä* является выражение цели действия: *gizanyz warmu jänä qylyḡa ḡaqd šäryder mijänä* [2, б. 121] «согласны ли вы вступить снова в брак». Форма на *-asy/-äse* обозначает процесс, соответствующий значению инфинитива на *-yrḡa* литературного языка: *oḡbu dijüneḡ afätendän cisem, can qortarasy* [3, б. 417] «надо спасти тело и душу от нападения этого демона».

Таким образом, анализ морфологических особенностей глагола в поэтических произведениях XIX в. показал, что для них свойственно сочетание грамматических элементов кипчакских и огузских языков. Арабские грамматические формы встречаются лишь в тех наклонениях глагола, которые по семантике и синтаксическим функциям близки к именам. Такой языковой неоднородности, характерной для поэтических произведений данного периода, способствовала существовавшая письменно-литературная традиция, на которую осознанно и целенаправленно ориентировались поэты.

Summary

A.F. Yusupov. Verb Grammatical Forms Variability in the Language of 19th-century Poetic Literary Works.

The article views the variative usage of the verb's grammatical forms, namely the combination of grammatical elements of kipchak and oguz languages, in the language of 19th-century poetic literary works. At the same time, Arabic grammatical forms can also be seen in some verb moods. Such a combination was a tradition of the poetic variant of written literary language. Poetry by Sh. Zaki is taken as a case study.

Key words: language, language history, verb, impersonal verb forms, grammatical form.

Литература

1. *Баширова И.Б.* Татарский литературный язык конца XIX – начала XX века: литературная норма, вариативность нормы и функционально-стилистическая вариативность в категориях имени существительного и наклонениях глагола: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Казань, 2000. – 67 с.
2. Шәмсетдин Зәки шигърьләре / Төз. Зиннәтулла Мөхәммәтрәхими. – Башкортстан Фәннәр академиясенә Уфа тарих, тел һәм әдәбият институты гыйльми архивы, Ф. 3. – Т. 63. – Б. 47, 178.
3. *Фәхретдинов Р.* Асарь. 13 жөзъә. 2 жилд. – Оренбург, 1907. – 422 б.
4. *Шукуров Ш.* История развития глагольных форм узбекского языка (настоящее и будущее времена). – Ташкент: Фан, 1966. – 138 с.
5. *Насилов В.М.* Древнеуйгурский язык. – М.: Изд-во вост. лит., 1963. – 122 с.
6. *Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. – М. -Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 446 с.
7. *Дмитриев Н.К.* Турецкий язык. – М.: Изд-во вост. лит., 1960. – 95 с.
8. *Тумашева Д.Г.* Хәзерге татар әдәби теле морфологиясе. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1964. – 300 б.
9. *Юсупов Ф.Ю.* Неличные формы глагола в диалектах татарского языка. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1985. – 317 с.
10. *Шербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Глагол. – Л.: Наука, 1981. – 183 с.
11. *Махмутов М.И.* Фонетическое и грамматическое освоение арабских заимствований в татарском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1966. – 20 с.
12. *Гранде Б.М.* Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. – М.: Изд-во вост. лит., 1963. – 594 с.
13. *Хисамова Ф.М.* XVIII йөздәге татарча эш кәгазьләренә тел үзенчәлекләре. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1981. – 161 б.

Поступила в редакцию
16.06.08

Юсупов Айрат Фанкович – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории татарского языка и общего языкознания Казанского государственного университета.

E-mail: faikovich@mail.ru